Военные мемуары

1904 1905

Генерал от инфантерии
А.Н. Куропаткин

Записки о русско-японской войне

Алексей Николаевич Куропаткин

Записки о Русско-японской войне

Серия «Военные мемуары (Вече)»

Издательский EPUB
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=62648811
Записки о Русско-японской войне: Вече; М.; 2016
ISBN 978-5-4484-8400-1

Аннотация

В ходе подготовки личный ребус… В своей книге «Записки о Русско-японской войне» Главнокомандующий вооруженными силами России на Дальнем Востоке генерал-адъютант А.Н. Куропаткин (1848–1925) рассказывает о событиях той трагической войны. Это не просто воспоминания о военной поре, но и попытка бывшего Главнокомандующего оправдаться перед историей и потомками за неблагополучный для России исход войны.

Содержание

Вступление 5
Глава первая. Исторические задачи России, предъявленные военному ведомству в XVIII и XIX столетиях. Результаты 18
Глава вторая. Заключение о границах России в Европе и Азии 60
Конец ознакомительного фрагмента. 80

Алексей Николаевич Куропаткин
Записки о Русско-японской войне

© ООО «Издательство «Вече», 2016
© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2020
Сайт издательства www.veche.ru

Вступление

В трех томах моего отчета изложены, по имевшимся материалам, описания трех главных сражений минувшей войны: под Ляояном (том 1-й), на р. Шахе (том 2-й) и под Мукденом (том 3-й). Описания эти неизбежно заключают в себе много пробелов и много неточностей, прежде всего потому, что о действиях японских войск пока имеется лишь ничтожное количество материалов и притом в значительной степени лишенных официального характера. Затем описания действий отдельных корпусов и армий во время составления мною отчета частью отсутствовали, частью оказались исполненными поверхностно. Наиболее подробно и обстоятельно, хотя и весьма разнообразно по полноте, изложены военные действия в полковых реляциях. Но и эти основные для моего отчета документы имели недостатки, присущие вообще реляциям и за прошлые войны: начальники излагали участие вверенных их командованию частей войск в возможно благоприятном освещении. Были, конечно, и совершенно правдивые изложения, особенно ценные. В изложении действия частей одной и той же дивизии и корпуса встречались трудно согласуемые противоречия. Поэтому в полковых реляциях особую цену имели несомненные документы, как, например, буквально приводимые письменные приказания и распоряжения, указания об исполненных передвижениях, достигну-

тых результатах, числе потерь, количестве выпущенных патронов и снарядов. Эти последние данные тоже нуждались в сильной поправке, ибо в числе выпущенных снарядов и патронов показывались и утраченные при наступлении и отступлении.

Несмотря на недостаточную полноту и односторонность изложения, помещенные в первых трех томах моего отчета фактические данные дают обильный и ценный материал для суждения о тактической подготовке наших войск, их вооружения, нравственном духе и подготовке к выполнению тяжелых боевых задач нижних чинов и командного состава.

Описание сражения под Ляояном составлено Генерального штаба полковником Ильинским в Маньчжурии, в штабе главнокомандующего, и уже в ноябре 1904 г. было отправлено в Главный штаб.

Ныне труд этот, пополненный полковником Ильинским новыми материалами, составил первый том моего отчета.

Том второй – «Сражение на р. Шахе» составлен, по моему поручению, в Маньчжурии Генерального штаба полковником Болховитиновым.

Том третий отчета – «Сражение под Мукденом» и настоящие записки – «Итоги войны» написаны мною лично: третий том в Маньчжурии, записки в деревне, где я ныне проживаю. В означенной работе принимали деятельное участие по сбору материалов, проверке цифровых данных, включенных мною в отчет, составлению карт и схем и печатанию –

по третьему тому Генерального штаба полковник Сиверс и подполковник Гаврилица, по настоящему труду – Генерального штаба подполковник Крымов.

Без умелого и энергичного содействия всех вышепоименованных лиц окончание и напечатание моего отчета, составляющего до двух тысяч печатных страниц, с несколькими атласами планов и схем, затянулось бы на несколько лет.

Пережитые нашей родиной и армией боевые испытания в 1904 и 1905 гг. уже являются достоянием истории, но еще слишком недостаточно собралось материалов, чтобы могла вскоре появиться вполне беспристрастная оценка всех событий, предшествовавших войне, и достаточно подробное выяснение причин наших неудач во время войны. Между тем необходимо безотлагательно воспользоваться пережитым опытом, дабы, уяснив себе наши ошибки и изучив явленные нашими войсками слабые стороны, найти способы, к правильному росту нашей армии в будущем в духовном и материальном отношениях.

В былое время, когда войны велись небольшими армиями постоянного состава, неудачи не затрагивали так глубоко самые насущные интересы всей нации, как затрагивают ныне, когда после введения всеобщей воинской повинности, армии возросли в численности, и в военное время большая часть бойцов призывается лишь на время войны из среды народа. Ныне войну, для успешного ее окончания, должен вести «вооруженный народ», а не армия. Поэтому все стороны

жизни государства затрагиваются войною несравненно глубже, чем ранее. С другой стороны, неудача отражается болезненнее, чем прежде.

Под влиянием оскорбленного народного самолюбия, обыкновенно спешно ищутся причины и виновники неудачи. Одни ищут объяснения ее в причинах общего характера, другие – в причинах частного характера. Одни обвиняют систему, режим, другие – отдельных лиц. Партии, недовольные правительственной властью, быстро пользуются случаем, дабы неудачи войны обратить в орудие против правительства.

Так и у нас противоправительственная партия работала во вред правительству не только после войны, но и во время самой войны, затрудняя деятельность армии. Для этой партии поражение нашей армии было желательно, ибо давало надежду на подрыв престижа правительства и на смуту. Поэтому и девиз этой партии выражался следующим образом: «ч е м хуже, т е м лучше». Прокламации в сотнях тысяч экземпляров распространялись среди войск, особенно запасных, и призывали их не к победе, а к поражению. Газеты, журналы, в лице своих сотрудников, даже не принадлежавших к вышеуказанной партии, работали для ее успеха, заливая грязью армию и ее представителей. Некоторые корреспонденты с театра войны, плохо осведомленные о наших действиях и еще хуже о японских, часто на основании не увиденного, а только услышанного, из источников недо-

статочно компетентных, увеличивали смуту в умах, раздувая значение той или другой из наших неудач. Даже многие офицеры армии, писавшие с театра военных действий[1], старались отличиться спешной критикой, излагая часто совершенно неверно фактическую сторону описываемых ими событий и придавая своим описаниям безотрадный или плаксивый тон. Известий с боевых линий и правдивых известий о действиях тех многочисленных героев, которые целые месяцы, стоя лицом к лицу с противником и мужественно, не теряя веры в победу, боролись с ним, поступало мало. Герои – солдаты, скромные младшие офицеры, командиры рот, сотен, батарей, полков, не писали, да и времени писать не имели о своих трудах и подвигах, а изучать и наблюдать эти труды и подвиги, разделяя с передовыми войсками и опасности, решались лишь немногие из корреспондентов. Надо прибавить, что между корреспондентами были люди очень храбрые и искренно желавшие принести пользу, но отсутствие даже элементарной подготовки к пониманию сложного военного дела делало их усилия малопроизводительными. Лучше других могли судить и давать правильную оценку виденного читающей публике состоявшие при нашей армии иностранные военные агенты. Многие из них, весьма удачно выбранные, братски разделяли с нашими войсками все труды и опасности, полюбили наши войска; и взаимно приобрели любовь и уважение наших войск. Но их отчеты долго останут-

[1] Или прибывшие из армии в Россию по причинам не всегда уважительным.

ся нам неизвестными. Из наших корреспондентов некоторые предпочитали, проживая в тылу и наблюдая изнанку войны, писать скорбные для всей читающей России известия с тыла – о пьянстве, кутежах, распущенности, например, в Харбине, давая публике совершенно одностороннее представление о жизни армии. В результате, вместо того чтобы при первых наших неудачах явиться источником для подъема патриотизма, самопожертвования, вместо того чтобы, по мере роста трудностей войны, взывать о новых усилиях с нашей стороны, ободрять ослабевших, призывать на борьбу всех лучших сынов родины, помогать правительству комплектовать убывающие ряды армии, помогать приливу в армию материальных и духовных сил, – наша печать во время войны в значительной степени играла в руку врагов наших, внутренних и внешних, вселяя в массах населения ненависть к войне, угнетая еще на родине дух отправлявшихся на войну, подрывая всемерно веру у солдат в офицерский состав армий, подрывая авторитет начальствующих лиц. Таковыми действиями нация не призывалась к подъему сил, чтобы выйти, наконец, победоносно из всех затруднений, а, напротив того, посылаемые в армию укомплектования и войсковые части двигались на войну, неся с собою вместе с прокламациями зародыши новых неудач.

В настоящее время появилось уже довольно большое число ценных трудов по различным вопросам, выдвинутым прошлой войной, написанных с искренним желанием помочь ар-

мии. Но и в этих трудах, вследствие отсутствия в печати фактического изложения военных событий, встречаются весьма серьезные ошибки.

Ныне страсти значительно улеглись и представляется уже возможным выделить в отдельные группы те обвинения, который пали на армию и ее представителей во время войны и по ее окончании. Обвинения эти, по отношению собственно к военному ведомству, в главном заключались в следующем:

1) Армия наша не была достаточно подготовлена к войне с Японией.

2) Представители военного ведомства, не приняв достаточных мер, чтобы приготовиться к войне, не боролись, дабы войны не было объявлено.

3) Вожди армии плохо распорядились предоставленными в их распоряжение во время войны силами и средствами.

В этих моих записках я и постараюсь дать посильные ответы на эти обвинения. Вместе с сим я попытаюсь наметить главные выводы из минувшей войны, с целью исправления оказавшихся на войне недочетов духовных и материальных.

Деятельность военного министерства такого государства, как наше, не может и не должна быть случайною. Успех этой деятельности зависит как от денежных средств, ассигнуемых на армию, так и от целесообразности расходования сих средств. Государство, в ущерб удовлетворению массы неотложных нужд, расходует на содержание армии громадные суммы. Неудачная война естественно приводит к выво-

ду, что расходование этих сумм было неправильным. Поэтому, для суждения по сему вопросу, необходимо ознакомиться с теми задачами, которые перед войною ставились военному министерству, и со средствами, кои отпускались на их удовлетворение.

Задачи, которые были поставлены нашей армии перед войною, не могли быть случайными. Они должны были вытекать из всей предшествовавшей деятельности военного ведомства, быть, так сказать, преемственными на XX век из века XIX. Жизнь нации идет непрерывно, и также непрерывно требуется, чтобы вместе с ростом нации совершенствовались силы и средства армии. Кроме того, рост и совершенствование армии зависят во многом от военной деятельности наших соседей. Мы не можем отставать от них, если хотим быть спокойными за целость Империи. Огромный рост вооружения Европы вынуждал и нас нести все тягости вооруженного мира. Эти тягости, при нашей сравнительно недостаточной культурности, по некоторым сторонам боевой готовности армии, становились нам непосильными, средства для удовлетворения всех текущих и вновь нарождающихся нужд оказались совершенно недостаточными. Поэтому неизбежно приходилось удовлетворять наиболее важнейшие нужды. Между тем определение – какие же нужды надлежало признавать более важными, чем другие, являлось делом весьма сложным и трудным. Военное ведомство еще могло само разбираться, при недостатке денежных

средств, что в данное время важнее: перемена, например, вооружения артиллерии, постройка крепостей, постройка казарм, заготовка разных запасов, улучшение быта войск и пр. и пр., но не в компетентности одного военного ведомства было решить вопросы: какие же из границ России в данный период являются наиболее угрожаемыми нападению или с каких пограничных районов становилось необходимым сделать новый шаг к дальнейшему расширению границ России. По этим вопросам должна была существовать общая политическая программа, органически связанная как с выполненными уже программами прошлых столетий, так и с внутренним состоянием и нуждами государства.

Таким образом военное ведомство должно было руководствоваться в своей деятельности не только специально военными требованиями, но и требованиями высшего порядка – государственными.

Вступив с 1 января 1898 г. в управление военным министерством, я нашел много начатых, но еще не законченных мероприятий и массу проектов различных мероприятий, изученных и признанных неотложными, но на проведение коих в жизнь не отпускалось достаточных денежных средств. Талантливым, энергичным руководством генерала Обручева боевая готовность была очень поднята сравнительно с еще недавним временем. Таким образом собственно по военной части я нашел массу ценных материалов, достаточных для составления плана дальнейшей деятельности

на ближайшее пятилетие предельного бюджета военного ведомства[2]. Но программы для государственной деятельности военного министерства, зависимой от деятельности министерств внутренних дел, финансов и иностранных дел, не существовало, и, мало того, в отношении взглядов на наши самые существенные очередные для военного ведомства задачи существовали разноглася во взглядах между бывшим военным министром и его коллегами по другим министерствам.

Общности программ между военным и морским министерствами тоже не существовало. При таком положении я признал необходимым воспользоваться двумя последними годами прошлого столетия, дабы исполнить обширный труд, который мог бы осветить путь военному министерству в первые годы наступающего столетия. Я задался целью подвести итоги боевой деятельности русских вооруженных сил в XVIII и XIX столетиях, выяснить, какие задачи им ставились, какие результаты достигнуты, какие из задач окончены, какие преемственно перешли на XX столетие. Определить, какие жертвы были принесены государством для достижения поставленных в XVIII и XIX столетиях армии задач.

Далее, предположено было рассмотреть и сделать оценку

---

[2] Средства из государственного казначейства на расходы по военному ведомству отпускались не ежегодно, а предназначались по так называемому «предельному бюджету» на пять лет.

всех границ наших, дабы выяснить, где мы довольны этими границами, где недовольны. Затем надлежало выяснить силы и средства наши на различных вероятных театрах войны и силы и средства наших вероятных противников.

Определив, как вывод из этих работ, какие задачи переходят на нашу армию на XX столетие, и надлежало, в зависимости от важности этих задач, составить предположения к дальнейшему усиленно нашей армии, и увеличение ее боевой готовности.

В виду обширности предположенной работы и научности ее характера, мною привлечены были к участию в ней профессора Академии Генерального штаба: по историческому отделу полковник Мышлаевский, по военно-статистическому отделу г.-м. Золотарев и по административному – полк. Гулевич. Все сведения по отделам стратегическому и по железнодорожному доставлялись отделами Главного штаба.

Весной 1900 г. работа эта была окончена, напечатана и 14 марта 1900 г. представлена Его Императорскому Величеству.

С соизволения Государя Императора несколько экземпляров этого труда (за выпуском данных особо секретного характера по стратегической части) были розданы министрам финансов, иностранных дел, внутренних дел, государственному контролеру и некоторым другим лицам.

Выводы этого труда легли в основание составленного в военном министерстве плана мероприятий по военному мини-

стерству в пятилетие 1898–1902 гг.

В 1903 г., относительно всего исполненного по военному министерству в пятилетие 1898–1902 гг., был напечатан и представлен на Высочайшее обозрение обширный отчет. Из этого отчета видно, какие были у нас нужды, какие отпущены были средства на удовлетворение этих нужд и какие из нужд, в виду совершенной недостаточности отпущенных средств, пришлось признать наиболее важными и удовлетворить в первую очередь. Наконец, в 1903 г. представлен и утвержден план мероприятий и на следующее пятилетие 1904–1908 гг.

Таким образом, деятельность в годы, предшествовавшие войне, велась по строго определенному плану, и по деятельности этой существуют печатные отчеты, по коим можно судить о достигнутых результатах. Так как, определяя задачи на ближайшие годы, военное министерство старалось осветить себе путь изучением уроков прошлых столетий, то и в настоящем моем труде, дабы выяснить основные принципы деятельности военного ведомства в 1898–1904 гг., необходимо было коснуться выводов, сделанных мною из изучения деятельности армии в XVIII и XIX столетиях, а также из изучения наших пограничных пространств и изучения боевых сил и средств наших и наших соседей.

«Итоги войны» состоят из двенадцати глав.

В первых главах этого труда я буду делать необходимые выдержки из моего всеподданнейшего доклада по военному

министерству в 1900 г. и из отчета за пятилетие деятельности военного министерства в 1898–1902 гг., не оглашая тех данных из этих документов, которые и ныне еще сохраняют важный военный характер.

В последующих главах я буду руководствоваться документами по минувшей войне, моими дневниками и появившимися в нашей печати материалами, опуская опубликование таких данных, кои могут послужить нам во вред.

Я слишком близко стоял к событиям огромной важности, совершившимся на Дальнем Востоке, являюсь одним из главных виновников неудачи наших боевых действий и потому не надеюсь на вполне объективную оценку рассматриваемых мною в этом труде событий и лиц. Но цель настоящего труда лишь в малой степени заключается в оправдании от возведенных на меня лично обвинений. Я смотрю на свой труд лишь как на материал, который облегчит историкам минувшей войны правдиво выяснить причины наших неудач и этим дать возможность определить и средства избежать подобных неудач в будущем.

Генерал-адъютант Куропаткин

Глава первая. Исторические задачи России, предъявленные военному ведомству в XVIII и XIX столетиях. Результаты

Главные задачи, поставленные нашей армии в XVIII и XIX столетиях, заключались в расширении границ наших на северо-западе и юге с целью выхода к морям Балтийскому и Черному.

Задачи эти и были выполнены.

За несколько лет до Русско-японской войны, после победы Японии над Китаем, мы заняли Маньчжурию и выдвинулись своим авангардом на Квантуне к Великому океану.

Задача, поставленная нашей армии в Русско-японскую войну, заключалась в отражении нападения японцев, с целью удержать занятое Россией в 1897 г. положение на Дальнем Востоке.

Таким образом нашей армии, выполнившей успешно в XVIII и XIX столетиях задачи по овладению побережьями Балтийского и Черного морей, в первых годах XX столетия была поставлена на очередь новая задача, связанная с выходом России к Великому океану.

В результате неудачной войны мы потеряли в бою Кван-

тун и Южную Маньчжурию. Мы не сохранили занятого нами положения на Дальнем Востоке и пришли в непосредственное соприкосновение на материке с Японией, занявшей Корею, Квантун и Южную Маньчжурию.

Результат неожиданный и тяжелый для России.

Ныне, когда улеглись первые вспышки народного горя, уже представляется возможным сделать попытку разобраться в многочисленных причинах наших военных неудач, отделить главнейшие из них и сделать должную оценку появившимся в печати спешным суждениям о делах и лицах, причастных к Русско-японской войне.

Несомненно, что необходимо самое правдивое и откровенное изучение причин наших неудач. Только отдав себе в них ясный отчет, мы можем надеяться избежать еще более тяжких неудач и их последствий в будущем.

Сложны были причины Русско-японской войны. Необычайно сложна была война, сложны поэтому и причины наших неудач.

Необходимо будет выяснить и особые трудности выполнения возложенной на нашу вооруженную силу в Маньчжурии задачи в ряду других задач, возлагавшихся на нашу армию в предыдущие исторические периоды.

В XVII столетии, после тяжкой борьбы и потрясений, окончилось внутреннее объединение Российского государства. На огромном пространстве около 265 000 кв. м. (из них до 79 000 в Европе) население России к началу XVIII сто-

летия составляло всего до 12 миллионов. Границы России, весьма мало обеспеченные, составляли до 14 000 верст. К концу XVII столетия мы располагали военной силой около 150–200 000 человек. Войска эти несли службу посменно на границах и в Москве. Войска эти по их организации и обучению не могли считаться надежной боевой силой. Весь бюджет государства составлял 12 млн руб., половина этой суммы шла на содержание войск[3].

Граница была непомерно длинна, оборона ее требовала громадных военных сил, естественных оборонительных линий почти не было, а соседями были сильные Швеция, Польша и Турция, беспокойные орды татар, кавказские горцы и

---

[3] На северо-западе, от Варангерфиорда до Пскова (около 2000 верст), граничили мы с сильной Швецией, располагавшей армией до 100 000 чел. Овладев в эпоху Смутного времени Прибалтийским краем и нынешней Петербургской губ., Швеция в крепостях Финляндии и Балтийского побережья имела охватывающую базу для почти беспрепятственного движения в наши псковские и новгородские земли.На западе, от Пскова до Чигирина (около 1800 верст), тянулась граница с Польшею, врезавшаяся у Смоленска клином внутрь страны, отстоявшая здесь от Москвы не далее 450 верст и прикрытая только южнее г. Гомеля р. Днестром. Польша была естественным противником России и союзником Швеции и Турции, ибо владела нашими землями в Белоруссии и Малороссии.На юге, от Чигирина до Азова (около 600 верст), граничили мы по открытой линии с татарскими ордами, находящимися в вассальной зависимости от Турции, которая располагала значительными военными силами (около 500 000 чел.) и сильным флотом на Черном море. От Азова до Каспийского моря (ок. 600 верст) соседями были татары и беспокойные кавказские горцы, производившие набеги и разорение на наши окраины. Наконец, в Азии, на протяжении свыше 9000 верст, шла открытая, не везде точно установленная граница с киргизскими ордами и народами, подвластными Китаю.

мало известный нам в то время Китай.

Положение границ России было необеспеченное.

Преемственные задачи на XVIII столетие, выпавшие на русскую военную силу, одновременно с созданием постоянной регулярной армии, заключались в следующем:

1. На северо-запад – продолжить труды царей Иоанна III и Иоанна IV, т. е. отторгнуть от Швеции Балтийское побережье и продвинуть границу до естественного морского рубежа.

2. На западе – продолжить борьбу царя Алексея Михайловича и возвратить от Польши Белоруссию и Малороссию.

3. На юге – идти по пути, указанному великими князьями Святославом и Олегом, продвинуть границу к Черноморскому побережью, расшатать Турцию и подготовить почву для дальнейших ударов.

4. На юго-востоке – продолжить труды царя Феодора Иоанновича и Бориса Годунова, обратить Каспийское море во внутреннее и стать твердой ногой на Кавказском хребте.

5 и 6. В Азии – расширить пределы в двух направлениях: к стороне Средней Азии, чтобы обеспечить русские области от набегов кочевников, и к стороне Восточного океана, представляющего естественный выход для Сибири.

Из этих задач в XVIII столетии мы преследовали с упорством только первые три. Попытка овладеть Хивою окончилась в 1717 г. полною неудачею и надолго остановила наше движение в Среднюю Азию. В Сибири, при спокойном ми-

ролюбивом отношении к нам китайцев и японцев и слабости киргизских орд, мы могли организовать охрану 9-тысячеверстной границы с Китаем отделением лишь ничтожных военных сил.

Из приведенных выше трех задач наиболее трудной оказалась задача первая – по овладению Балтийским побережьем. Выдающийся полководец Карл XII, с небольшой, но закаленной в боях армией, 21 год боролся против России с гениальным Петром во главе. Но и гений Петра не в силах был отвратить полное поражение наших войск под Нарвой в 1700 г.

Упорные труды по созданию превосходной по числу и хорошо обученной армии привели Петра Великого через 9 лет после Нарвы к победе в 1709 г. под Полтавой.

Но борьба со Швецией (Великая Северная война) закончилась только в 1721 г. присоединением к России по Ништадтскому миру Ингерманландии, Эстляндии, Лифляндии и небольшой части Финляндии всего до 812 000 кв. верст. Этой войной Россия выдвинулась в ряды европейских держав.

Причиною нашего поражения под Нарвой было выставление первоначально слишком недостаточных и малостойких войск (50 000).

В течение Северной войны наши силы были доведены до 130 000. Под Полтавою мы уже имели опытных помощников у Великого Петра, опытную армию и весьма большое превосходство в силах над шведами. Всего за 21 год войны на-

ми выставлено 1 700 000 бойцов, и выход к Балтийскому морю стоил России за 21 год борьбы 120 000 убитых, раненых, без вести пропавших и до полумиллиона выбывших из строя больными.

Выход России к Черному морю тоже дался России не легко. Мы вели для достижения этой важной цели в течение XVIII столетия четыре войны с Турцией. Первая война в 1711 г., когда мы выставили недостаточные силы, всего 50 000, тоже окончилась, несмотря на присутствие в армии Петра Великого, окружением наших войск на Пруте. Мы не только не овладели Черноморским побережьем, но вынуждены были уступить туркам Азов и разрушить укрепления на нижнем Днепре. Постепенно развивая свои вооруженные силы, мы в четвертую войну с турками в 1787–1791 гг. довели общее число участвовавших в течение четырех лет войны сил до 700 000 чел. (при небольшом составе в одну кампанию в 220 000 человек) и победили турок: по Ясскому договору турки признали присоединение Крыма к России и уступили нам земли между Бугом и Днестром.

Выход к Черному морю стоил нашей армии в течение 4 лет около 90 000 убитыми, ранеными и без вести пропавшими и до 300 000 выбывшими из строя больными. Общее число выставленных нами для борьбы с Турцией в XVIII столетии воинских чинов составило до 1 500 000 человек.

Выполнение в XVIII столетии третьей задачи, по возврату от Польши Белоруссии и Малороссии, потребовало ве-

дения с нею четырех войн. Последняя из них окончилась прекращением самостоятельного существования Польского государства. За четыре войны мы выставили для борьбы с Польшей наибольшую армию около 75 000 человек. Общее число бойцов, участвовавших в четырех войнах, составило до 400 000 чел. Мы потеряли убитыми, ранеными и без вести пропавшими за все четыре войны до 30 000 человек, и выбывшими из строя больными до 75 000 чел.

Из этих данных видно, что борьба за выходы к морям Балтийскому и Черному стоила России несравненно больших усилий и жертв, чем присоединение Белоруссии, Малороссии и Польши.

Во время войн XVIII столетия за выходы к морям Балтийскому и Черному главная тяжесть легла на сухопутные войска; в борьбе со шведами наш флот, руководимый создателем его Петром Великим, принимал деятельное и самоотверженное участие.

В XIX век Россия вступила сравнительно с XVIII веком сильной державой. Территория государства дошла до 331 000 кв. миль, увеличившись за XVIII столетие на 65 000 кв. миль. Население России составило 37 млн чел., увеличившись за XVIII столетие на 25 млн чел. Годовой бюджет с 12 миллионов поднялся до 55 млн рублей, но финансы были расшатаны непрерывными войнами. На военные потребности уделялось 22 млн руб.[4].

---

[4] Государственная граница протяжением до 17 000 верст к 1800 г. была

Но все же эта граница, легко уязвимая с внешней стороны, требовала особого внимания к вопросам военно-политическим по отношению к Швеции, Пруссии, Австрии, Кавказу и Средней Азии.

Мероприятия по развитию вооруженных сил во вторую половину XVIII века сопровождались последствиями двух родов. Армия усилилась числом и качеством, воспитала в себе прочные военные достоинства и создала Румянцева и Суворова, но численность ее не соответствовала финансовому положению страны; войсковое хозяйство не было упорядочено, административное устройство не урегулировано, организация не шла далее полка. Тактическая подготовка отличалась разнообразием.

Мероприятия императора Павла I по устранению помянутых недостатков не достигли цели; общая численность войск в это время была понижена с 500 до 400 тыс. чел. боевого состава.

несколько исправлена сравнительно с 1700 годом; наиболее опасными ее участками были: а) со стороны Финляндии (шведской) от Нейлота до устья р. Кюмени, вследствие близости этой линии к С.-Петербургу (около 300 верст), б) от Гродно до Хотина (около 650 верст) по отсутствию естественных рубежей, сильных крепостей и соседству с Пруссией и Австрией, интересы коих во многом соприкасались и сталкивались с русскими, в) со стороны Кавказа, лишь отчасти входившего в сферу нашего влияния; столкновения с населением Кавказа со времени присоединения Грузии особенно участились, г) со стороны Средней Азии присоединение при Анне Иоанновне киргизских орд поставило Россию в ближайшее соседство с ханствами: Хивинским, Бухарским и Кокандским, враждебно взиравшими на наше приближение к их границам.

Армия по предложению должна была размещаться в 12 инспекциях, или военных округах. В действительности, с присоединением к России западных областей и со вступлением нашего отечества в тесное соприкосновение с задачами общеевропейской политики, большую часть сил приходилось держать западнее линии р. Днепра. В 1799 г. около 100 000 находилось за границей[5], около 130 000 составляли две армии в северо- и юго-западном краях[6] и около 50 000 чел. находилось в окрестностях столицы; прочие войска были разбросаны по всей стране, выделив сибирской и кавказской границам около 25 000 человек.

Военные задачи, предстоявшие к решению в XIX веке, были продолжением исполненного в предшествующее время, но при значительно осложненной обстановке.

На северо-западе России в XIX столетии предстояло закончить задачу по выходу к Балтийскому морю, овладением берегами: северным Финского и восточным Ботнического заливов.

На западе с исчезновением Польского королевства предстояло удерживать в повиновении поляков, охранять наши западные пределы со стороны Пруссии и Австрии для удержания достигнутого Россией положения и быть готовыми дать отпор миллионной армии Наполеона.

---

[5] Войска Суворова, Римского-Корсакова, Германа и во флоте у адм. Ушакова.

[6] Армии: Ласси, около 65 000 (шт.-квартира г. Гродно), и Гудовича, около 65–70 000 (шт.-квартира г. Каменец-Подольский).

На юге предстояло продолжить задачу XVIII столетия с целью прочно утвердиться на берегах Черного моря и сделать эти берега безопасными от нападения с моря.

Наконец, задачи на Кавказе, в Средней Азии и на Д. Востоке были переданы XIX веку полностью. Для упрочения нашего положения на Кавказе и в Азии, с целью прежде всего обезопасить русское население южных окраин, надлежало перейти в энергичное наступление.

Итоги участия армии по достижению в XIX веке перечисленных задач заключались в следующем. Начало XIX столетия ознаменовалось для русской военной силы колоссальною борьбою с Францией, предводимой Наполеоном. Поход Суворова в 1799 г. был началом этой борьбы. Мы выступили против Наполеона союзниками громимых Наполеоном – Австрии, Германии. Войны наши с Наполеоном в коалиции с другими государствами окончились тяжелыми поражениями для нашей армии: в 1805 г. под Аустерлицем и в 1806–1807 г. под Фридландом. Отечественная война 1812–1814 гг. была продолжением первых двух Наполеоновских войн. Несмотря на вторжение в пределы России огромной армии, оттеснения наших войск за Москву, французская армия в результате трехлетней борьбы была побеждена, Европа освобождена от гнета Наполеона, а Польша присоединена к России. В высокой степени поучительно упорство, с каким Петр Великий и Александр I вели борьбу с такими противниками, как Карл XII и Наполеон. Мы начинали борьбу в этих двух собы-

тиях недостаточными силами, терпели тяжелые поражения под Нарвой, Аустерлицем, Фридландом, но, все увеличивая энергию, упорно продолжали борьбу как с Карлом, так и с Наполеоном. Но эти лета усиливали, закаляли наши войска, создавали вождей во время самой войны, увеличивали армии с целью получить большее превосходство в силах над противником, и окончили эти войны победоносно Полтавою и вступлением в Париж. В результате войн с Наполеоном, мы вошли в Польше в настоящие границы. Эти границы существуют уже скоро сто лет. Изменение их, как то будет изложено ниже, невыгодно для России и может быть произведено только как результат европейских войн. Жертвы предвидятся при этом столь тяжкие, что изменение границ невыгодно не только нам, но и Германии с Австриею. Поэтому в числе задач на XX столетие не могут быть поставлены задачи по изменению границ бывших польских владений. Тем не менее польский народ, разделенный между тремя сильными державами, при объявших весь мир национальных стремлениях, не может до сих пор помириться с постигшею его историческою судьбою. Поэтому XX век даст много забот России по внутреннему успокоению и устройству польского народа.

В XVIII столетии наиболее трудною задачею оказалась задача по выходу к Балтийскому морю. В XIX столетии окончание этой задачи не встретило серьезного сопротивления со стороны Швеции и Норвегии. Война со Швецией в 1808–1809 гг. потребовала год и три месяца времени и окончилась

присоединением к России Финляндии. В эту войну наша армия не достигала численности свыше 44 000 чел. Общее число бойцов доходило до 65 000 чел. Мы потеряли убитыми, ранеными и без вести пропавшими около 7000 чел. и больными до 9000 чел., всего до 16 000 чел. Интересно отметить, что в течение этой войны мы имели, при большом превосходстве в силах, 43 боевых столкновения в поле и из них 29 окончились победой и 14 неудачей.

В XIX столетии наша задача по выходу к Балтийскому морю была окончена.

Получив после победной войны Финляндию в державное обладание, мы в течение XIX столетия слишком мало обращали внимания на внутренние дела этой русской провинции и в результате получили под столицею враждебно настроенную к вам, полную сепаратных стремлений, местность, населенную хотя и немногочисленной, но упорной народностью. На XX век перешли и задачи по приобщению Финляндии к русской государственности.

Задача XVIII столетия по упрочению нашему на берегах Черного моря продолжалась с упорством и в XIX столетии, но закончена не была.

Мы вели в XIX столетии три войны с Турцией: в 1806–1812, 1828–1829 и 1877–1878 гг. Первая из них окончилась присоединением к нам части Бессарабии. По второй из этих войн мы приобрели устья Дуная и Черноморское побережье в 550 верст. Вмешательство европейских держав в наши дела

на ближайшем востоке в целях ослабления России привело к Восточной войне в 1853–1855 гг. Эта несчастная для нас война окончилась потерей для нас Черноморского флота и потерей для нас устьев Дуная.

Наша армия ко времени Восточной войны 1853–1855 гг. была весьма многочисленна и, как в отношении корпуса офицеров, так и нижних чинов, представляла отличный материал. Значительная часть офицерского состава происходила из дворян, нижние чины служили 25 лет, унтер-офицеры и фельдфебели были опытные и авторитетные служаки. Но после успешных войн XIX столетия армия наша по отношению к выучке и вооружению пошла не вперед, а назад. Аракчеевский взгляд на службу глубоко проник во все слои армии. Особенно был слаб старший начальствующий персонал. О том, что армия назначается для войны, было забыто. Показная сторона взяла верх над сущностью. Ружейные приемы и церемониальный марш поставлены выше всего. Наилучшим показателем взглядов той эпохи на нашу боевую силу служат несомненные факты подскобки и подпиливания с разрешения начальства разных частей ружья (гаек и шомполов), чтобы при ружейных приемах получался особый дружный звон тысячи ружей, приятно ласкавший ухо начальников того времени.

Успех службы офицеров зависел от протекции. Без протекции пробирались вперед наиболее послушные воле начальства, в каких бы диких формах эта воля ни проявлялась.

Начавшееся в России, по почину Александра I, после Наполеоновских войн, освободительное движение, проникшее и в ряды армии, сменилось административным гнетом, тяжело отразившимся на всех видах деятельности в России, на всех сословиях, в том числе и на военном.

Вся Россия облеклась как бы в мундир, застегнутый на все пуговицы, и вытянулась в струнку. Россия и с нею армия могли говорить только: «слушаю», «так точно» и «все благополучно». С нижними чинами обращались жестоко. Кормили их плохо. Хищения всякого рода были обычным в армии явлением. Доходы начальствующих лиц за счет отпускавшихся сумм на довольствие лошадей признавались нормальным явлением. Как то было и ранее, полки давали промотавшимся дворянам, чтобы поправить их дела. Гвардия своими преимуществами по службе угнетала армию. Всякое проявление в армии не по команде инициативы было караемо. Печать робко молчала. Обсуждение в военном органе даже вопросов о форме одежды признавалось иногда вредным вольнодумством. В результате армия в духовном отношении, несмотря на ее многочисленность, не подвинулась вперед. Но и в материальном отношении мы отстали от европейских армий. Очевидно, что при взгляде на ружье, как на средство производить шумные ружейные приемы, мы не спешили с перевооружением армии и предстали на боевое испытание в 1853–1855 гг. с гладкоствольными ружьями против нарезного оружия наших противников.

Наш Черноморский флот, еще полный воспоминаний о победе под Синопом, с такими начальниками, как Лазарев, Нахимов, Корнилов, Истомин, в духовном отношении стоял очень высоко и был многочислен. Но отсталость нашего флота от европейских была еще большая, чем в сухопутной армии; против нашего парусного флота союзники привели в Черное море паровой флот.

Численность постоянного состава русской армии в мирное время в 1850–1860 гг. превышала 1 100 000 чел., но большая часть этих сил находилась на западных окраинах, на Кавказе и в столицах.

Союзники в эту эпоху располагали силами по мирному составу: Франция – 400 000 чел., Англия – 140 000 чел. и Турция – 450 000 чел. Только часть этих сил приняла участие в войне 1853–1855 гг., и Россия была побеждена.

Относительно приготовлений к войне и первой ее части (Дунайская кампания) один из участников в своих воспоминаниях, недавно изданных, пишет так[7]:

«Столкновение с западом, разразившееся Восточной войной 1853–1856 гг., казалось бы не должно было застигнуть Россию врасплох. Летом 1852 г. война уже висела в воздухе; на вероятность ее указывала особенная заботливость того времени о приведении в исправность военного обоза и материальной части армии, а о близости ее покойный импера-

---

[7] Из «Записок севастопольца. Н.С. Малошевич». 1904 г. Страницы 9–10; издана на средства Вел. Кн. Александра Михайловича.

тор Николай Павлович лично предупредил войска на осеннем смотру, происходившем при городе Елисаветграде».

«Наконец, в июне 1853 г. войска наши перешли р. Прут и заняли Дунайские княжества, а в октябре Турция объявила нам войну. Блистательный Синопский разгром турецкого флота, поднявший народное чувство в России, послужил предлогом к объявлению нам войны со стороны Англии и Франции. Начался длинный ряд тяжких и оскорбительных наших неудач».

«Дунайская кампания 1853–1854 гг. не могла быть успешна по одной той причине, что велась без определенной цели. Или не прозревая истинных намерений Австрии, или в уверенности на сохранение нейтралитета с ее стороны, мы старались не противоречить ее требованиям и связали себе руки. Оборона левого берега Дуная не сопровождалась ни единым удачным делом, наступательные действия скоро оставлены под давлением Австрии. Кампания эта не принесла нам ни чести, ни пользы, и, подтвердив старую доблесть русского солдата, обнаружила только поголовную неспособность военачальников, да массу вкравшихся в армию злоупотреблений. В июле 1854 г. русские войска со стыдом и озлоблением вернулись в свои пределы от стен непокорной Силистрии, а союзники обратили взоры на Крым».

Высадка союзников силою всего 50 000 чел., при миллионной у нас армии и сильном флоте, казалась безумным предприятием. Главнокомандующий князь Меншиков, мо-

ряк по профессии, тем не менее допустил произвести беспрепятственно 1 и 2 сентября высадку у Евпатории, хотя располагал 60 вымпелами, в числе их и небольшим числом паровых судов. Если наш флот не мог уверенно рассчитывать на победу над союзным флотом, то в наших силах было расстроить план союзников, ворвавшись в транспортные колонны. Союзники были на море между Варною и Евпаторией с 26 августа по 1 сентября, и мы не могли выследить их.

Под Альмой мы собрали 33 000 чел. (42 бат., 16 эск., 84 ор.) и дали твердый отпор противнику. К сожалению, действуя в родной стране, мы не знали местности, и ген. Боске, проведя неизвестной нам тропой свою колонну, вышел на наш левый фланг, что и решило отступление наших войск, произведенное беспорядочно. Наши ружья в этом бою стреляли на 300–450 шагов, а противник стрелял (пулями Минье) на 1200 шагов. Мы имели вооруженными штуцерами лишь стрелковые батальоны, – по одному на корпус.

Затем началась 13-го сентября 11-месячная борьба под Севастополем. Утомленный флот дал нам многочисленную артиллерию, опытных командиров и, главное, Нахимова, Корнилова и Истомина. Сухопутные войска вели в большинстве случаев бой в траншеях самоотверженно. Но Крымская армия в своих попытках победить союзников понесла еще два тяжких поражения: 24 октября 1854 г. под Инкерманом и 4 августа 1855 г. на Черной речке.

Относительно Инкерманского сражения автор «Из запи-

сок севастопольца», цитированных выше, пишет: «С прибытием остальных двух дивизий 4 пехотного корпуса, располагая, кроме Севастопольского гарнизона, сорокатысячной армией, кн. Меншиков проиграл 24 октября знаменитое Инкерманское сражение. Цель его заключалась во владении Сапун-горою, как в первом шаге к освобождению города от осады, за которым должно было следовать оттеснение союзников к Балаклаве и совершенное изгнание их из Крыма. Оно было соображено основательно, соединяло все данные к полному успеху и тем не менее обратилось в кровавое и решительное поражение, благодаря непостижимым ошибкам частных начальников».

И далее:

«Потеря 10 000 выбывшими из строя, упадок нравственного духа в войсках, недоверие их к своим начальникам и недоверие к войскам кн. Меншикова, были результатами неудачи, надолго поставившей русскую армию в пассивное положение. Судьба Крымской кампании была предрешена: лучший момент для освобождения Севастополя упущен, действия наши утратили последнюю самоуверенность, а в армии началось нравственное разложение, приведшее к неслыханным дотоле злоупотреблениям».

Меншикова сменил кн. Горчаков, но дела наши не пошли лучше. Руководство войсками на р. Черной было то же, что под Инкерманом. Частные начальники не помогали друг другу, атака со стороны Севастополя не поддержала наши

действия у Черной речки.

27 августа союзники произвели решительный штурм и овладели Малаховым курганом. Хотя на других наших позициях французы и англичане были отбиты с огромными потерями, но в ночь на 28 августа мы отступили на северную сторону. Это отступление решило участь кампании. Позорный для России мир был заключен. Мы лишились права иметь военный флот на Черном море и потеряли устья Дуная.

Такой результат был тем более тягостным, что союзники не имели превосходства в силах на Крымском полуострове. Очевидно, что при твердой решимости продолжать борьбу, союзники вынуждены были бы приступить к завоеванию Крыма, но даже и с потерей Крыма Россия могла и должна была продолжать борьбу, памятуя заветы Петра в войну Северную и Александра I в войну Отечественную.

Нашими слабыми сторонами оказались высшее командование, штабная служба и особенно интендантство. Из родов оружия пехота, артиллерия и саперы работали дружно. Роль конницы, несмотря на ее многочисленность, была незначительна и малославная. Связь с родиной, особенно в распутицу, была весьма затруднена. Подвоз продовольственных запасов встретил такие препятствия и так плохо был организован, что войска не только терпели лишения, но в отдельных случаях голодали. Госпитальная часть организована была плохо. Пьянство и картежная игра среди офицеров и чиновников, особенно вдали от боевых позиций, составляли, к

сожалению, обычное явление. Хищения всякого рода достигали больших размеров.

Эти темные стороны не подорвали силы государства и армии. Несмотря на все ошибки наших начальников, армия оставалась крепкою духом и готова была бороться до победы над врагом. Война выдвинула Нахимова, Корнилова и Истомина, геройски павших, но и среди живых выдавались уже имена Хрулева, Тотлебена. Среди начальников войск выделялись также Хрулев, Сабашинский и др. Среди полковых командиров многие способны были с полным успехом вести порученное им дело. Масса офицеров в младших должностях всех родов оружия, получивших боевую школу, смело смотрели не раз в глаза смерти, и солдаты шли за ними с доверием на любое предприятие. Солдат был терпелив, выносливо, храбр и невежествен.

Финансы России тоже не были поколеблены Крымской войной. На покрытие военных расходов было заключено лишь два займа, общей суммой на 100 миллионов. Кроме того, было выпущено на 430 млн руб. кредитных билетов и занято в государственных кредитных учреждениях 190 млн. Всего на войну потребовалось достать 720 млн рублей.

Курс кредитного рубля в Лондоне в 1856 г. стоял очень высоко. Доверие к нашим силам и средствам во всем мире, несмотря на военные неудачи, было большое. При этих условиях мы, памятуя заветы Петра I и Александра I, могли и должны были продолжать войну. Союзники вынуждены бы-

ли бы приступить к завоеванию Крыма. Трудности для них, по мере продвижения вглубь от моря, все возрастали бы. В то же время наша армия, множась в числе и усиливаясь боевым опытом, становилась бы все грознее для наших врагов и, конечно, сбросила бы их в море.

В своих записках о Крымской войне наш историк Соловьев поместил такие мысли[8]:

«Первое время нового царствования умы были заняты печальным исходом Восточной войны. Александр II прежде всех других распоряжений по громадному своему наследству, должен был заплатить страшный долг, заключить мир, какого не заключали русские государи после Прута. Новый император чувствовал всю тяжесть этого дела…»

«Внешние дела были вовсе не в таком отчаянном положении, чтобы энергичному государю нельзя было выйти из войны с сохранением достоинства и существенных выгод. Внутри не было изнеможения, крайней нужды. Новый государь, которого все хотели любить, как нового, обратясь к этой любви и патриотизму народному, непременно вызвал бы громадные силы. Война была тяжка для союзников, они жаждали ее прекращения, и решительный тон русского государя, намерение продолжать войну до честного мира, непременно заставили бы их попятиться назад». И далее:

«Но для этого, кроме широты взгляда, необходимы были смелость, способность к почину дела, энергия. Их недоста-

---

[8] Из неизданных бумаг С.М. Соловьева. «Русский Вестник». Май, 1896 г.

вало у нового императора, как у одного человека, их бы достало у него, если бы он был поддержан окружающими; но около него не было ни одного человека силы умственной и нравственной. Его окружали те же люди, с которыми и Николай из ложного страха воевать с целой Европой двинулся назад и этим навязал себе коалицию. И теперь раздавались одни возгласы: «мир, мир, во чтобы то ни стало», и мир был заключен после падения Севастополя, тогда как Севастополь играл ту же самую роль, какую играла Москва в 1812 г., тут-то, после этой жертвы, и надо было объявить, что война не оканчивается, а только начинается, чтобы именно заставить союзников ее кончить».

«Несмотря на то, что новый Император исполнял свято сыновние обязанности, относясь благоговейно к памяти Николая, которого всюду величали «незабвенным», с первого раза почувствовалась реакция, перегибание дуги. Сам Император естественно желал быть популярными как добрый, хороший человек, кроме того внутренними популярными преобразованиями хотел заставить забыть неудачи внешних отношений».

«Из окружающих его не было никого, кто бы осветил тьму, все это были слепые, некоторые из них не могли одобрять стремлений Императора, остаться желали при старом, николаевском, некоторые желали идти потише, поосторожнее, но они обнаруживали свое неодобрение тайным или явным ворчанием, и никто не смел, а главное, не умел выска-

зать свое мнение перед Императором».

«Но что хуже всего, эти господа не имели совсем гражданского мужества, они привыкли преклоняться перед всякою силою, и когда были ослаблены пружины власти и этим был дан простор, так называемому отрицательному направленно, когда снизу раздавались громкие крики, царедворцы, привыкшие только к крикам команды, приняли эти крики за крики команды, смутились, не зная что делать, попавши между двух огней, – и началось постыдное двоедушие, двоеверие, начали ставить свечи двум богам, несмотря на их противоположность. И кто чем более льстил, заявлял свою преданность власти, тот всего сильнее льстил представителям новой силы, всех более либеральничал, – и все в одно и то же время…»

«Первое проявление интеллигенции должно было состоять в ругательстве, отрицании, обличении, – и все, что говорило и писало, бросилось взапуски обличать, отрицать, ругать. А где же созидания? Что поставить вместо разрушенного? На это не было ответа, ибо некогда было подумать, некому было подумать, не было привычки думать, относиться критически к явлению, сказать самим себе и другим: куда же мы бежим, где цель движения, где остановка?»

«Для подобных вопросов требовалась твердость, гражданское мужество, но на эти качества давным-давно спросу не было, и перестали поэтому предлагать, они вывелись. Была мода молчать и не думать, и все, хотевшие жить по моде,

молчали и не думали, теперь пришла мода кричать и отрицать, бранить все существующее, и желавшие жить по моде принялись кричать, бранить, отрицать все существующее».

«В конце концов должны были прийти к одному решению: создать мы не умеем – нас этому не учили, а существующее скверно, и поэтому надо разрушить сплошь все, – вот наше дело, – а там новое, лучшее создастся само собою».

«Хотя их было мало, очень мало, но все-таки были люди с авторитетом, люди науки, люди мысли и опыта, которым было не под стать бежать, как угорелым, неведомо куда, которые могли поднять голос против такого бегства, пригласить остановиться, подумать, поусомниться в пользе и необходимости бесцельной беготни. Таких людей было немало, и главное, для укрепления их авторитета не было почвы, ибо в только что пережитое время все стремилось уничтожить эту почву, человек мысли и знания был гоним, если он имел влияние в небольшом кружке, только лишь вследствие оппозиции существующего порядка, вследствие того, что он необходимо относился отрицательно к существующему».

«Беда была в том, что в это несчастное время самый положительный человек был отрицателен и своим авторитетом приучал к отрицанию. Да и таких людей, повторяю, было очень мало, а большинство людей, стоявших наверху и долженствующих быть авторитетами, было таково, что подрывало всякий авторитет. Это были по большей части глупцы или, по крайней мере, невежды и некрасивые в нравствен-

ном отношении. Над ними смеялись, их презирали, им преклонялись только физически, служебно, с ненавистью в сердце, с проклятиями на устах: где же тут могла быть привычка к авторитету, нравственная дисциплина?»

Общее недовольство результатами войны 1853–1855 гг. проникло во все слои общества. Корень зла с основанием стали видеть в крепостничестве. Высокогуманный Император Александр II сам стал во главе освободительного движения и даровал крепостным свободу.

Это событие чрезвычайной важности составило эпоху в жизни России и отразилось на всех сферах деятельности, в том числе и на военном ведомстве. Раздались новые речи.

Трудно ныне поверить, какие горячие, убежденные и либеральные статьи писались в «Военном Сборнике».

Но скоро опять все пошло по-старому.

Восстание Польши в 1863 г., покушение на жизнь государя, открытые заговоры небольшого числа злоумышленников послужили основанием для сторонников старого режима добиваться умаления дарованных прав, и их старания увенчались успехом. Началась реакция, особенно резко проявившаяся в земском и школьном делах.

При просвещенном руководстве делами армии со стороны военного министра ген. – ад. Милютина, эта реакция была ослабляема в возможной степени, и военное ведомство некоторое время считалось чуть ли не наиболее либеральным.

Война 1853–1855 гг. при тех условиях, в которых велась,

вдали от русских местностей, хотя вызвала патриотические чувства во всем населении, но народной не могла быть названа. Вела войну постоянная армия, пополняемая рекрутскими наборами.

Очевидно, что нация такой мощи, как Россия, не могла помириться с предписанными ей в 1856 г. условиями: не держать военного флота на Черном море. Не могла помириться и с потерею устьев Дуная, приобретенных ею после победоносной войны 1828–1829 гг.

Поэтому, как ни сложны были причины войны 1877–1878 гг., но по существу своему война эта составляла продолжение нашей двухвековой борьбы за выход к Черному морю и за обеспечение этого выхода.

Эта задача осложнилась и на этот раз исторической необходимостью оказать помощь родственным племенам Балканского полуострова: сербскому и болгарскому.

Война сербско-турецкая предрешила и войну русско-турецкую. Мы имели время приготовиться к войне и недостаточно воспользовались этой возможностью. Мобилизировав армию и сосредоточив ее в Бессарабии до объявления войны, мы долго медлили объявлением войны и дали поэтому время туркам усилиться и приготовиться нас встретить. После первых успехов, мы начали нести тяжелые неудачи, доказавшие, что турки, вооруженные скорострельным оружием и организованные на европейский образец, представляют уже не прежнего противника, нестройные толпы которо-

го легко разбивались нашими войсками, иногда весьма малочисленными. Численность выставленных войск оказалась недостаточной, но Император Александр II, имея в военном министре Милютине мудрого советника, не остановился перед жертвами и двинул на театр войны многочисленные подкрепления, в числе которых находился цвет нашей вооруженной силы – гвардия и гренадеры. Относительная близость источников укомплектования армии позволила произвести это усиление довольно быстро.

В августе 1877 г. мы понесли последнюю большую неудачу под Плевною, а в октябре на театр военных действий уже прибыли гвардия и гренадеры. Всего на время войны на двух театрах военных действий, считая войска румынские, сербские, черногорские и болгарские дружины ополчения, мы выставили против турок превосходные силы, собрав армию общею численностью до 850 000 чел. Несмотря на геройское сопротивление во многих случаях, турки были побеждены, и наши войска дошли до стен Константинополя. Необходимо отметить, что победы не давались нам легко, и дабы сломить упорство турок при умелом руководств потребовались, например, под Плевною тройные силы. Горный Дубняк, весьма слабо укрепленный, был взят после упорного боя нашей гвардией, превосходившей в 5–6 раз защитников этого пункта.

Под Плевною, несмотря на то, что турецкие укрепления были большею частью полевого профиля, лишены местных

препятствий, проволоки, мин, засек, почти лишены блиндажей, несмотря на то, что мы превосходили турок в три раза числом, а наша артиллерия превосходила турецкую в несколько раз, мы не могли овладеть Плевной открытой силой и прибегли к блокаде.

Но мы имели на европейском театре таких выдающихся помощников главнокомандующего, как Гурко, Скобелев, Радецкий, Тотлебен. С ними наши войска быстро закалились и вернули победы к нашим знаменам.

На азиатском театре у Вел. Кн. Михаила Николаевича оказались выдающиеся по боевым дарованиям и энергии помощники: Лазарев, Гейман, Тер-Гукасов. С ними войска кавказские делали геройские дела. В то время как войска, предводимые Криндером и Зотовым, были отбиты от слабых плевненских укреплений, войска кавказские берут ночным штурмом крепость Карс. Оборона Шипки на европейском театре и Баязета на турецком вписала славные страницы в русские военные летописи.

Война эта выяснила и много темных сторон нашей военной организации. Интендантская и санитарная части были поставлены плохо. Деятельность кавалерии и артиллерии на европейском театре не ответила ожиданиям. Вся тяжесть боя легла на пехоту, и пехота с честью вышла из тяжелого испытания. Были бои, где пехотные части теряли ⅓ или даже ½ своего состава и все еще могли, быстро оправившись в самом непродолжительном времени, продолжать бой. Особых

жалоб на чинов, призванных из запаса, не было, ибо, как сказано выше, запасные за долгую стоянку под Кишиневом успели сплотиться со срочно служащими. Но части, вновь укомплектованные и ранее внутренней спайки пущенные в бой, не всегда выказывали должную стойкость. В общем русские войска поддержали в эту войну репутацию храбрых, стойких, выносливых, дисциплинированных войск. В обороне мы были, однако, сильнее, чем в наступлении.

В общем этот первый опыт войны после введения всеобщей воинской повинности, хотя и завершился для нас победою над турками, но доказал нашу малую, сравнительно с западными соседями, готовность быстро мобилизировать и сосредоточить в назначенном направлении сильную армию.

Призыв запасных совершался без стройного мобилизационного плана и носил случайный характер. Сосредоточение производилось тоже медленно, благодаря слабости железных дорог, ведущих в Румынию. Формирование резервных частей производилось тоже без определенного плана.

Сведения о противнике были недостаточные и неверные. Мы оценивали силы турок много слабее, чем бы то следовало. В результате для войны были назначены вполне недостаточные силы, и их пришлось почти удвоить.

Перевооружение за недостатком достаточных кредитов не было закончено, и наша армия выступила на войну с ружьями трех систем.

Картами армия была снабжена недостаточно. Прежние

съемки, в том числе и Шипкинских позиций, остались в Петербурге неиспользованными.

Наша артиллерия в техническом отношении уступала турецкой. В особенности оказались слабыми в боевом отношении 4-фунтовые орудия.

Инженерные силы и средства были недостаточные, и распределение их не всегда было сообразное. Так, например, в Плевненских боях 30–31 августа, где Скобелев и Имеретинский должны были вести главную атаку на неприятельскую укрепленную позицию, при корпусе войск в 22 батальона, находилась лишь случайно сформированная мною команда сапер из 30 нижних чинов. Осадные средства были недостаточны и устарелого типа.

Деятельность кавалерии, во весь период войны на европейском театре, за самыми малыми исключениями, была неудовлетворительная и не самоотверженная.

Деятельность артиллерии, отличная и самоотверженная на кавказском театре войны, во многих случаях на европейском была неудовлетворительною. Были случаи отступления батарей после первых ранений ничтожного числа чинов.

Многие крупные начальствующие лица не соответствовали своему положению. Особенно мало выдающихся начальников было в кавалерии и артиллерии.

Деятельность штабов и в частности Генерального штаба была неуспешна. До боя писали слишком много, в бою терялись и забывали доносить о крупных фактах и ставить в

известность о происходящем своих подчиненных. Связь во время боев по фронту и в глубину была недостаточная. Разные роды оружия мало помогали друг другу. Вся тяжесть боя лежала почти исключительно на пехоте.

Деятельность интендантского и санитарного ведомств во многих случаях была малоуспешная.

Достаточно прочной связи с тылом – Румынией (железной дорогой, хотя полевого типа) не было организовано. Этапных войск не было. С наступлением распутицы подвоз к армии запасов разного рода весьма затруднился. Богатые местные средства не были использованы в должном порядке.

Отношение войск и войсковых начальников к болгарскому населению не было во всех случаях гуманным и справедливым. Уплата за все забираемые продукты, при беспорядочно поставленном вопросе о фуражном довольствии, производилась неправильно или вовсе не производилась. Беспорядки и разгул в тылу армии были большие.

При спешном движении вперед недостаточными силами нам приходилось очищать уже занятые нами местности, причем население, восторженно встречавшее нас, как освободителей, при обратном появлении турок или бежало за нашими отступавшими войсками или избивалось турками.

В результате произошло временно общее разочарование: мы разочаровались в болгарах, стали хвалить турок и обратно.

Как и в Восточную войну 1853–1855 гг., мы не были силь-

ны в маневрировании, и наступной бой во многих случаях, особенно под Плевною, велся неумело. В обороне были сильны. Нам много помогало то, что турки еще менее нас были подготовлены к ведению наступательных операций, дружно согласованных на всем театре военных действий. Иначе в августе и первой половине сентября наше кордонное расположение (полукругом) в Болгарии легко могло быть, до подхода подкреплений, прорвано, и мы были бы вынуждены к отступлению за Дунай. Соперничество турецких вождей, их неспособность вместе с вмешательством в военные дела Константинополя выручили нас из беды. Несмотря на все эти неустройства и недостатки, наша армия разбила турецкие войска, захватила в плен целые турецкие корпуса в Плевне, под Шипкою, в Карсе и победоносно дошла до стен Константинополя.

Турецкая война 1877–1878 гг. была последней большой войной, веденной Россией в XIX столетии. Но нашему военному самолюбию, вслед за победоносной войной с турками, был нанесен в 1879 г. чувствительный удар в Средней Азии. Усилившиеся грабежи туркмен, перенесших свою деятельность даже в Красноводское приставство, вызвали необходимость снарядить особую экспедицию в туркменскую степь. Начальником войск был назначен опытный военачальник ген. Лазарев. К сожалению, смерть его накануне выступления отряда из Атрекской линии к крепости Геок-Тепе отдала власть в руки старшего за ним ген. Ломакина, совершенно не

соответствовавшего этой роли. Экспедиция окончилась полной неудачей. Войска наши дошли до Геок-Тепе, штурмовали эту турецкую твердыню, весьма слабо укрепленную, но не могли овладеть ею. В штурме участвовали отборные кавказские войска. С большими потерями, оставив в руках туркмен несколько сот наших скорострельных ружей, мы отступили к укреплениям Атрекской линии. Потребовались большие усилия и сформирование значительного, по азиатскому масштабу, отряда, чтобы поправить дело. Высокоталантливый и исключительно энергичный ген. Скобелев, после тяжелой борьбы, одолел туркмен и овладел Геок-Тепе.

Во время этой экспедиции мы при ночных вылазках туркмен, подавляемые их многочисленностью, после резни холодным оружием, два раза понесли серьезные неудачи, потеряли три орудия и знамя одного из славнейших кавказских полков[9].

Но Скобелев успел внушить каждому из участников, что, как бы тяжко ни складывались наши дела, мы будем бороться до последнего человека, и мы победили.

Ахал-Текинская экспедиция показала, однако, что то время, когда отряды в несколько рот под начальством генералов Черняева и Кауфмана одерживали победы над многочисленными скопищами туземцев, – прошло.

Туркмены, независимо от храбрости, вооружились отби-

---

[9] Из знаменитой роты уцелело 14 чел. Знамя находилось в передовой траншее. Командир батальона, командир роты и субалтерн-офицер были изрублены.

тыми у нас берданками и нанесли нам серьезные потери. Из осаждающего Геок-Тепе небольшого корпуса войск, боевая сила которого не доходила до 5000 штыков, мы потеряли убитыми и ранеными около одной тысячи человек.

Наконец, последним боевым столкновением наших войск в XIX столетии было дело на р. Кушке в 1885 г., когда наш малочисленный отряд нанес поражение афганцам, с потерею всего 43 человек.

Война с турками в 1877–1878 гг. окончилась возвращением нам устьев Дуная и присоединением Батума и Карса.

В XIX столетии в борьбе с Турцией мы начали ставить на первом плане задачи освободительного характера по отношению к различным народностям, населявшим Балканский полуостров и подчиненным Турции. Такая деятельность слишком близко соприкасалась с интересами Европы, которая и дала России отпор: военный под Севастополем, и дипломатический на Берлинском конгрессе. Неясность ставленных нами на Балканском полуострове целей ухудшила положение. За заботами о судьбе народностей Балканских государств забывались насущные интересы России.

Поэтому результаты, достигнутые нами на Черном море в XIX столетии, не соответствовали принесенным жертвам.

В течение трех войн XIX столетия с Турцией, мы выставили 1 700 000 бойцов, довели силу армии в 1878 г. до 850 000 чел. и потеряли убитыми, ранеными, без вести пропавшими 126 000, больными 243 000, а всего 369 000 чел.

Если же принять в расчет, что нами в течение Восточной войны было выставлено 1 300 000 бойцов и мы потеряли убитыми, ранеными и без вести пропавшими 120 000 чел. и больными 220 000, то приобретение Черноморского побережья, устьев Дуная и права иметь на Черном море военный флот обошлось нам в три миллиона выставленных в поле бойцов, потерявших в боях до 250 000 и от болезней до 450 000 чел. И несмотря на такие жертвы ворота в Черное море остались для нас закрытыми и отворенными для наших возможных врагов. В 1878 г. мы, можно сказать, уже владели этими воротами, а ныне эти ворота охраняются против нас не только турками, но и немцами. Задача по ограждению выхода в Черное море перешла на XX столетие.

Для овладения Кавказом в XIX столетии потребовалось вести две войны с Персией и 62 года борьбы с кавказскими горцами. Наконец, дабы войти в наши настоящие границы в Средней Азии, мы вели наступательные экспедиции в Азии в течение 30 лет.

Боевые действия наших войск на Кавказе и в Средней Азии ознаменовались многими славными подвигами. На Кавказе мы встретили особенно храброго противника и вели исключительно тяжелую борьбу с природою, при слишком явном превосходстве нашей военной силы над неорганизованными силами противников. Эта борьба в военном отношении не представляла тех трудностей, с каковыми были сопряжены войны, обеспечивающие выходы к морям Бал-

тийскому и Черному. В период военных действий в Средней Азии с 1847 по 1881 г. мы одновременно выставляли в поле не свыше 15 000 человек, всего было выставлено нами до 55 000 бойцов, потери же убитыми и ранеными не достигали 5000 чел. и 8000 больных.

Наши задачи по отношению к Кавказу и Средней Азии могут быть признаны законченными в XIX столетии. В дальнейшем изменении границ, как будет то ниже указано, надобности не встречается, и такое изменение потребовало бы серьезной борьбы с Турцией, Персией, Афганистаном и, вероятно, Англией. Но особенности кавказского и среднеазиатского населения требуют самого внимательного отношения к их положению и твердой власти на месте. В противном случае мы должны ожидать еще внутренних волнений и восстаний и не только в целях национальных, но и религиозных.

По отношению к Дальнему Востоку в XIX столетии надо отметить те же миролюбивые отношения к Китаю, как в XVIII столетии. На протяжении 9000 верст мы мирно жили с китайцами почти в течение двух столетий.

Несмотря на ничтожную военную силу, которая содержалась нами в Сибири, в течение XIX столетия мы произвели значительные изменения в восточных границах России.

За XIX столетие Россия утратила владения в Америке, уступив их за ничтожное денежное вознаграждение американцам. Мы уступили также Курильские острова Японии в обмен (почти насильственный) за южную часть Сахалина. В

то же время мы присоединили к своим владениям Камчатку, Амурскую область, Уссурийский край и Квантун. Уссурийский край приобретен нами по Пекинскому договору 1860 г., и этот край составил как бы вознаграждение России за содействие Китаю при заключении Пекинского договора с англичанами и французами, после занятия ими Пекина. Равно и наше вторжение в Маньчжурию как бы составило вознаграждение за посредничество и заступничество за Китай, после несчастной для него японско-китайской войны. Таким образом, в то время, когда выход России к морям Балтийскому и Черному потребовал работы нашей вооруженной силы в течение двух столетий и стоил нам тяжелых жертв убитыми и ранеными, мы вышли в 1897 г. к Великому океану без пролития крови. Но столь легкая победа носила в себе и зародыш поражения.

В течение XVIII и XIX столетий расширение территории сопровождалось постепенным изменением начертания границ на всем протяжении, за исключением большей части границы с Китаем, которая от долины р. Катуни до устья р. Шилки оставалась неизменною в течение двух столетий.

Усилиями армии западная граница сравнительно с 1700 г. отодвинута от Москвы вместо 450 верст более чем на 1000 верст.

На северо-западе и на юге мы дошли за два столетия до естественных рубежей: морей Балтийского и Черного. В то же время со стороны Кавказа и Средней Азии мы выдвинули

свои границы далеко вперед.

За два столетия внешние войны, в целях выхода к морям Балтийскому и Черному, сопровождались следующим напряжением сил.

По выходу к Черному морю в борьбе с Турцией участвовало 3½ миллиона бойцов, и мы потеряли до 750 000 человек.

По выходу к Балтийскому морю в борьбе со Швецией участвовало 1 800 000 человек, и мы потеряли до 700 000 человек.

Уже эти цифры указывают, каких жертв мы должны были ожидать при стремлении прочно стать на берегах Великого и Индийского океанов, если бы на русскую армию были возложены эти задачи в XX столетии.

Расширение пределов России во всех направлениях и выходы к морям Балтийскому, Черному, Великому океану привели Россию к овладению различными народностями, чуждыми и даже враждебными России.

Ныне нашу государственную границу с внутренней ее стороны стало окружать население, недостаточно прочно связанное с русским народом, и в этом отношении наша граница, 1900 г. в военном смысле менее благоприятна, чем была в 1700 г. Если население России и возросло за два истекших столетия с 12 миллионов до 130 миллионов, то необходимо принять в расчет, что в то же время в пределах России и на ее границах ныне находятся свыше 40 миллионов народно-

стей, частью родственных русскому населенно по племенному составу, но чуждых по религии и историческому прошлому, частью чуждых как по происхождению, так и по религии.

В течение двух столетий мир продолжался 71⅔ года. В остальные 128⅓ ведено 33 внешние и 2 внутренние войны.

По политическим целям, для поддержания которых предпринимались отдельные войны, последние разделяются так:

1) для расширения пределов – 22 войны, занявшие в общей сложности 101 год борьбы;

2) в целях обороны – 4 войны, занявшие в общей сложности 4¼ года борьбы;

3) в интересах общественной политики – 7 войн и 2 похода, занявших в общей сложности 10 лет борьбы;

4) внутренних ведено – 2 войны, потребовавших 65 лет, и

5) усмирений бунтов было 5, потребовавшие 6 лет военных действий.

Войны истекших двух столетий привлекли к бою около 10 миллионов людей, из них около ⅓ потеряно для народа, в том числе убитых и раненых почти один миллион.

Изменение боевого состава армии (без ополчения, второстепенных команд и запасных частей) с 1700 по 1900 г. шло в следующей постепенности:

В 1700 г. на двенадцать миллионов жителей было 56 000 войск боевого состава, т. е. 0,47 % всего населения.

В 1800 г. на 35 миллионов – 400 000, т. е. 1,14 %.

В 1900 г. на 132 миллиона – около 1 миллиона, т. е.

0,75 %.

К сему следует присовокупить, что в 1700 г. армия только формировалась и что уже в ближайшие годы численность ее боевого состава возросла до 150 000, т. е. на 1,3 %.

Таким образом, независимо от изменения самого способа комплектования войск (воинская повинность, вместо рекрутских наборов) участие населения в пополнении рядов армии, несмотря на постепенный рост последней, к началу XX века оказывается почти на половину меньшим, нежели сто и двести лет тому назад. Вывод этот тем более знаменателен, что в 1700–1710 гг. армия не достигла еще своего полного развития, а в 1800 г. была значительно уменьшена в своем составе реформами Императора Павла Петровича.

Разница между мирным и военным составами войск впервые резко выразилась в 1855 г., но исключительно по случаю Восточной войны.

Обыкновенным явлением разница эта стала со времени введения всеобщей воинской повинности.

Относительно вероятных задач для русской вооруженной силы в XX веке мною во всеподданнейшем докладе военного министра в 1900 г. помещены следующие строки:

«Непосильно уму и предвидению человеческому заглянуть в будущее на целое столетие вперед. Непосильно поэтому было бы хотя бы в самых общих чертах попытаться определить те задачи, которые готовит XX век для русской армии.

Но, оглядываясь на прошлое и изучая современное положение России, в связи с положением главнейших государств мира, – возможно и необходимо пытаться выяснить, какие история готовит русской армии задачи в ближайшие к нам годы XX столетия?

В течение XVIII и XIX веков главною задачей России было расширение ее границ.

Несомненно поэтому, что вопрос о границах должен быть поставлен на первом плане и ныне. Отсюда вытекает необходимость выяснить основной важности вопрос: довольны ли мы в настоящее время своими границами и, если не довольны, то в каких участках и почему?

Тот самый вопрос должен быть исследован и для соседей наших по отношению к границам с нами.

Если мы в настоящее время довольны своими границами и не имеем стремления к дальнейшему их отодвиганию в ту или другую сторону, то, вероятно, что и новых наступательных войн в течение XX века с нашей стороны ведено не будет.

Но, быть может, достигнув путем страшных усилий и огромных жертв в течение двух столетий границ, которые нас удовлетворяют, мы поставили тех и других из своих соседей в такое положение, что они своею задачею в течение XX века вынуждены поставить отторжение от России приобретенных ею земель?

Тогда опасность войн для нас не устранится, но войны по-

лучат характер оборонительный».

В следующей главе мы рассмотрим, хотя в самых общих чертах, вопрос о соответствии наших государственных границ нуждам России.

Глава вторая. Заключение о границах России в Европе и Азии

В главе 2-й всеподданнейшего доклада военного министра в 1900 г. изложен военно-стратегический обзор границ России. Общие мои выводы относительно различных участков нашей границы были сделаны в этом труде следующие:

1) Граница со Швецией[10], достигающая 1500 верст, рассекает местность суровую, труднопроходимую и малонаселенную.

Отходя в крайней северной, наиболее вдавшейся в материк, части Ботнического залива, и служа резкой этнографической чертой между скандинавскими народами на западе и финнами на востоке, граница эта в южной части вполне отвечает нашим интересам; на севере она проведена слишком искусственно и не в нашу пользу, так как отрезает Финляндию от Северного океана, отдавая все побережье его Норвегии.

Хотя с нашей стороны и естественно желание исправить здесь границу нашу, но выгоды от сего направления слишком незначительны, чтобы могли стать поводом к борьбе.

Однако положение дел на этой части нашей границы нель-

---

[10] Границы с Норвегиею и Швециею установлены Фридрихсгамским трактатом 1809 г. и Петербургскою конвенциею 1826 г.

зя пока считать нормальным.

Из предыдущей главы было видно, что выполнение Россией исторически необходимой для нее задачи – выхода на Балтийское побережье и к Финскому и Ботническому заливам – потребовало огромных усилий и жертв. Для достижения этой цели России пришлось в XVIII и в начале XIX столетия вести со Швецией четыре войны, выставить в общем 1 840 000 войска и победить противника только после потери 130 000 человек убитыми и ранеными. Тем не менее главная задача была выполнена еще Петром Великим. Можно сказать, что выход к Балтийскому морю и Финскому заливу был обеспечен нам победой под Полтавой.

Уже в начале XVIII столетия Выборгская губерния стала русскою. В ней основались русские селения и храмы, а в городе Выборге русская речь была весьма распространена.

По мирному трактату, заключенному в 1809 г. в г. Фридрихсгаме, Финляндия перешла навеки «в собственность и державное обладание Империи Российской».

Казалось, нам оставалось воспользоваться результатом своих побед и твердо, но спокойно, привести завоеванную провинцию в тесное единение с остальною Россией.

На деле получился иной результат.

Занятые выполнением других очередных исторических задач по укреплению нашего положения на Черном и Каспийском морях, по продвижению к Великому океану, по борьбе с Кавказом, с Польшею, по завоеванию Средней

Азии, мы в течение 80 лет XIX столетия мало обращали внимания на то, что происходило в Финляндии, и довольствовались наружным спокойствием, порядком и покорностью населения этой окраины.

В действительности с 1810 по 1890 г., т. е. 80 лет, финляндцы употребляли на энергичную борьбу против России, с целью приобретения возможно полного автономного положения.

Уже в 1811 г. Выборгская губерния, завоеванная русскою кровью, присоединяется вновь к Финляндии. Работа в этой губернии по уничтожению следов русской гражданственности еще не закончена и в настоящее время. Затем понемногу, при содействии некоторых русских сановников, нас приучали забыть, что Финляндия поступила в собственность и обладание Российской империи, нас понемногу учили, что Финляндия должна управляться по Шведской конституции 1772 г. и, наконец, начали учить со времени введения сеймового устава 1869 г., что Финляндия вовсе не русская провинция, а автономное государство.

В 1880 г. в Финляндии вводится устав о воинской повинности, который дает ей свое национальное войско, не многочисленное по числу батальонов, но, при хорошо задуманной системе резервов, способное выставить вооруженную силу близ русской столицы в 100 000 человек.

В результате финляндцы без пролития крови, осторожно, энергично и систематично работая в течение 80 лет XIX сто-

летия, успели снова отодвинуть Россию от Финского и Ботнического заливов и этим в значительной степени лишили нас результатов побед, купленных ценою крови многих тысяч русских людей.

В виду слабости собственно Шведско-Норвежского королевства и огромной важности для России Финляндии, простирающейся почти до стен столицы государства и резиденции Императора и прикрывающей не только столицу, но и весь север России, приходится думать не об исправлении границы со Швецией, а об устранении поводов для борьбы с нею. Только мечтающая о самостоятельности Финляндия может вызывать в Швеции надежды на отторжение ее; только рассчитывая на содействие обитателей, или, в крайнем случае, на сочувствие их, можно рисковать на операции внутри Финляндии.

Поэтому для обеспечения России на этой границе необходимо скорейшее устранение лишних преград к единению Финляндии с Россией.

В докладе моем 1900 г. значится:

«Как ни справедливы, однако, права России на державное обладание Финляндиею, надлежит признать, что ошибочная политика по отношению к этой провинции в течение 80 лет не может быть исправлена в короткое время. Крутые и спешные меры, в особенности касающиеся внутренней жизни населения, только озлобят его и затруднят задачи России. Требуется спокойная, неуклонная, но в то же время весьма осто-

рожная работа, быть может даже в течение нескольких десятилетий, дабы Россия вновь могла занять на берегах Финского и Ботнического заливов подобающее место.

В особенности с величайшею осторожностью надо относиться к изменениям в местном укладе жизни населения. Без ложного стыда мы должны признать, что Финляндия в течение XIX столетия, хотя в значительной степени за счет платежных сил и средств русского населения, стала культурнее многих русских губерний. Эту культуру мы должны уважать, уповая, что при правильной постановке в Финляндии русской государственности, таковая культура не только не послужит нам во вред, но может даже послужить в пользу всей России».

2) От местечка Полангена на берегу Балтийского моря до устьев р. Дуная на Черном море Россия граничит на 1107 верст с Германией, на 1142 версты с Австро-Венгрией и на 700 верст с Румынией.

Представляя на севере и юге довольно прямую линию, граница эта в средине, на участке Райгрод – Лютомерск, резко выделяется вперед и, огибая до Модржеева на протяжении 585 верст южные и восточные границы Германии и от Модржеева на протяжении 320 верст северные границы Австро-Венгрии, глубоко вдается в территорию этих государств, образуя выдающийся по положению и военному значению наш Привислинский театр (Варшавский военный округ) – прежнее Царство Польское, присоединенное к нам

по Венскому трактату 1815 г.

Охватывая южную границу Восточной Пруссии и северную Галиции, мы, действуя с этого театра, получаем возможность отрезать эти провинции соседей до Балтийского моря или трудно проходимого Карпатского хребта; с другой стороны, театр этот может быть отрезан и наступлением армий соседей с севера и юга по направлению на крепость Брест-Литовск. Такое положение означенного театра дает ему определенную ценность. Если мы станем более готовы в военном отношении, чем наши соседи, то театр этот может составить источник нашей силы. Если, напротив, наши соседи останутся и впредь более сильны нас численностью (считая силы Германии и Австрии вместе), а в особенности готовностью несравненно более быстро сосредоточиться, то положение этого театра будет составлять нашу слабость.

Граница Германии с Россией, достигающая 1107 верст, мало совпадает с естественными гранями.

С самого вступления России в тесные сношения с Европой начинается и доныне еще крепнет культурная и экономическая связь наша с ближайшей соседкой Пруссией.

В настоящее время пять отдельных железнодорожных линий связывают различные части России с Балтийскими портами Германии и с ее столицей. Обороты внешней торговли нашей с ней достигают (в среднем за 5 лет с 1893 по 1897 г.) 322 млн руб., что составляет 26,5 % оборотов всей нашей

внешней торговли[11].

Ежегодный вывоз достигает (в среднем за 5 лет) 164 млн руб. (25 % всего нашего вывоза), привоз 158 млн руб. (28,6 % всего привоза). В 1897 г. вывоз был на 175,2 млн руб., а привоз на 179,8 млн руб.

Таким образом, экономическая и торговая связь России с Германией чрезвычайно велика. Выгоды от такой связи одинаково важны для России и для Германии, и уже только одни экономические интересы обязывают нас внимательным образом охранять наши с нею дружеские отношения. Необходимо, однако, не скрывать от себя, что роль германского правительства на Берлинском конгрессе послужила основанием к перемене исключительно благоприятной Германии политики нашей, а заключение Германией тройственного союза, направленного и против нас, дало толчок к сближению нашему с Францией.

Граница наша с Германией на всем протяжении продолжена искусственно и является совершенно открытой как для нашего вторжения в пределы Германии, так и для вторжения ее армии в нашу территорию. До м. Филиппова граница служит этнографической чертою между литовским племенем на востоке и немцами и онемечившимися литовцами и поляками на западе, на дальнейшем же протяжении она разграничивает наших поляков от немецких.

Если между нами и Германией нет серьезного естествен-

---

[11] В 1900 г.

ного рубежа, то таковым служит политический. Действуя систематично, Германия успела настолько онемечить некогда славянскую территорию Восточной Пруссии, что она ныне представляет одну из надежнейших провинций Гогенцолернского дома. Такая же политика, хотя и с меньшим успехом, применяется и в Познани.

Со своей стороны мы делаем большие усилия, чтобы водворить русскую гражданственность и теснее связать с остальной Россией Северо-западный и Привислинский края, пограничные с Германией.

Если успехи наши в этом отношении не так велики, как в Германии, то первою причиною тому служит наша недостаточная, пока не только по отношению к Германии, но даже и по отношению к Польше, культурность. Второй причиною сравнительно малых успехов служит перемена взглядов на средства, коими надлежит достигать преследуемых нами в западных окраинах целей.

Германия с весьма значительными расходами подготовила в обширной степени быстрое вторжение в наши пределы миллионной армии. К нашей границе в Германии подходят 17 железнодорожных линий (23 колеи), дающих возможность посылать к нам ежедневно свыше 500 поездов с войсками. Сосредоточение на нашей границе большей части сил германцев, в составе 14–16 корпусов, может быть окончено в несколько дней по объявлении мобилизации.

Независимо от сего Германия располагает более обшир-

ными, чем мы, техническими средствами, переносными железными дорогами, инженерными средствами, особенно телеграфными, артиллерийскими средствами, в том числе подвижными осадными парками и пр. В то же время Германия весьма заботливо обеспечила упорную оборону прилегающих к нашей границе провинций, особенно Восточной Пруссии. Первоклассные крепости Торн, Кенигсберг, Познань ежегодно улучшаются. В важнейших узловых станциях устроены опорные пункты и собраны запасы для быстрого укрепления позиций. Переправы на р. Висле подготовлены к обороне. Равно готовятся к обороне различные населенные пункты, особенно при помощи проволочных сетей. Все население подготовляется к народной войне.

Мы со своей стороны тоже весьма много сделали со времени Крымской войны для подготовки к войне на Виленском и Варшавском театрах войны.

Тем не менее так как за последние 30 лет Германия сделала несравненно более, чем мы за пятьдесят, то мы оказываемся в военном отношении отставшими от нашей соседки.

Главное же и наиболее тревожное для нас превосходство Германии заключается в железнодорожном отношении. Действительно, на 17 линий, подходящих к нашей границе, мы можем отвечать 5 линиями. Разница слишком громадна и дает нашим соседям превосходство, которое не может быть парализовано ни численностью наших войск, ни их храбростью.

Таким образом, необходимо признать, что Германия с миллиардными затратами, частью за счет контрибуции, взятой с Франции, подготовилась как к самому энергичному наступлению в наши пределы, так и к упорной обороне.

В случае несчастной для нас войны германцы могут задаться целью отторгнуть от нас всю территорию Варшавского военного округа или даже часть Виленского (до Зап. Двины).

Население этих земель может значительно усилить Германию в военном отношении.

С другой стороны, более спокойные исследователи возможных результатов войны с Россиею относятся иначе к выгодности такого расширения Германии. Они сознают, что 100-миллионный русский народ не признает возможным помириться с потерею исторически связанных с Россией и обильно политых русскою кровью земель и напряжет все силы, чтобы при первой же возможности, путем новой войны, возвратить утраченное достояние.

В случае, если мы приобрели бы большую, чем германцы, боевую готовность, или в случае отвлечения главных германских сил на другие театры войны, территория Варшавского военного округа представляет плацдарм, глубоко врезавшийся между Германией и Австрией, откуда с одинаковым удобством можно нанести быстрые удары как к стороне Берлина, так и к стороне Вены. Обе эти столицы отстоят от нашей границы: Берлин на 300 верст, Вена на 320 верст

(Петербург и Москва отстоят от границы Германии на 800 и 1100 верст, от границы Австрии на 1350 и 1200 верст).

В случае победоносной с Германией войны, если бы мы предъявили требования на территориальное вознаграждение, то таковое по военным соображениям могло быть определено присоединением к России всей Восточной Пруссии по р. Висле.

Став на р. Вислу и владея обоими берегами, владея устьями рек Вислы и Немана, мы заняли бы весьма угрожающее против Германии положение и значительно исправили бы в военном отношении свою границу. Но эти выгоды далеко не окупали бы всех невыгод подобного расширения пределов России.

Для нас явился бы, но в еще более острой форме, свой Эльзас-Лотарингский вопрос. Германская нация, очевидно, стала бы беспрерывно искать случая тоже, даже путем новой войны, возвратить себе эту немецкую, исторически связанную с царствующим домом, провинцию.

Таким образом можно признать: 1) что при существующем соотношении сил наших к германским и их готовности, вторжение в наши пределы германских войск вероятнее, чем наших в Германию; 2) что при вторжении в наши пределы германские войска встретят менее трудностей, чем мы при вторжении в прусские земли; 3) что отторжение от нас известных территорий возможно; 4) что отторжение части Прусской территории тоже возможно, но что население

отторгнутой нами части всегда останется враждебным нам в силу превосходства своей культуры и по принадлежности к народности и историческому прошлому остальной части Германии и 5) что Россия и Германия столь великие нации, что ни та, ни другая, в случае потери части территории, не успокоятся, пока снова не возвратят ее.

По всем этим соображениям можно прийти к выводу, что как Германии, так в особенности нам, не представляется выгодным вести войну с целью изменения существующей границы.

3) По площади Австро-Венгрия, имея 546 846 кв. верст, даже превосходит Германию, число жителей к 1900 г. достигает 45 600 000 человек. Но в то время как население Германии чрезвычайно однородно и глубоко проникнуто идеей национализма, население Австро-Венгрии отличается крайним разнообразием этнографического состава. В ней немцы составляют 24,1 %, многочисленные группы славян 47,0 % (в том числе чехи, моравы и словаки 16,9 %, кроато-сербы 11,0 %, русины 8,1 %, поляки 8,0 % и словенцы 3,0 %), венгры 16,2 %, румыны 6,6 %, евреи 4,5 % и итальянцы 1,6 %.

Что касается до отношения этих народностей к России, то удаленные от нашей границы немцы не относятся к нам враждебно. Венгерцы за наше участие в подавлении восстания 1849 г. открыто выказывают нам если не враждебность, то недоброжелательство: такую враждебность питают и наибольшее из славянских племен – поляки. Остальные славя-

не хотя и выказывают симпатии к родственной России, но делают это главным образом из страха быть поглощенными немцами или мадьярами.

Границы Австрии весьма сложны, но после соглашения с Германией и Италией, Австрия в военном отношении обращает внимание почти исключительно на границу с Россией.

При первом взгляде на карту невольно является мысль, что естественная граница между Австрией и Россией должна проходить по Карпатам. В действительности граница идет частью по случайным урочищам, далеко впереди Карпат.

Вся Галиция составляет как бы гласис главной ограды – Карпат, обращенный к стороне России. Этот гласис за последнее время получил вид отлично подготовленного плацдарма, связанного многочисленными путями через Карпаты с другими провинциями Австро-Венгерского государства, сильно укрепленного и снабженного всеми запасами как для упорной войны, так и для энергичного наступления в наши пределы. Австро-Венгрия подготовила ныне возможность в самое короткое время сосредоточить на Галицийском театре миллионную армию.

Граница России с Австрией проходит на протяжении 1142 верст. Естественными рубежами на этом театре служат верхнее течение р. Вислы от Неполомницы до Завихоста и небольшой участок р. Днестра с его притоком Збруч, но особого военного значения эти рубежи не представляют.

Экономическая связь наша с Австро-Венгрией не так зна-

чительна, как с Германией.

Торговые обороты России с Австро-Венгрией ежегодно по ввозу и вывозу в среднем за последние 5 лет (с 1893 до 1897) достигают лишь 58,8 миллиона рублей в год, что составляет только 4,5 % всех наших торговых оборотов, причем отпуск – 35,6 млн рублей (4,8 %), а привоз 23,2 млн рублей (4,2 %). В 1897 г. наш отпуск был в 39 миллионов, а привоз из Австрии 19 млн рублей.

Границу пересекают четыре железные дороги: 1) у границы – пути от Варшавы и от Ивангорода, 2) у Радзивиллова, 3) Волочиска и 4) Новоселицы.

Несмотря на то, что племенной состав Австрии почти наполовину родственный населению России и невзирая на потоки русской крови, пролитой в течение XIX столетия для поддержания царствующего в Австрии дома, война между Россиею и Австрией, в случае общеевропейской войны, возможна. Братья по происхождению и по религии пойдут против братьев.

Борьба эта тягостная для всех славянских племен, кроме небольшого числа польских мечтателей, не может быть симпатична даже австрийским немцам, настолько их интересы не сталкиваются нигде с нашими. В Австрии относятся враждебно к России только венгры и поляки, так как те и другие имеют весьма серьезные, всем известные причины стоять в числе возможных врагов нашего отечества.

Относительно возможного после войны с Россией изме-

нения границ наших с Австрией в докладе моем 1900 г. сказано:

«В случае успешной войны с Россией, Австро-Венгерское правительство под давлением поляков, вероятно, будет требовать присоединения к Галиции пограничных местностей с польским населением. Воображение польских и венгерских патриотов заносилось уже так далеко, некоторые из них, в случае неудачной для нас войны, отодвигали пределы России до Бреста и Днепра.

Очевидно, что никакого территориального ущерба Россия даже после неудачной войны не потерпит и напряжет все силы, дабы в возможно непродолжительном времени возвратить потерянное.

В свою очередь, для России после победоносной войны и вероятного распадения Австрии, как последствия разгрома, будет предстоять вопрос: брать ли территориальное вознаграждение и если брать, то какое именно?

Обычная фраза о необходимости исправления нашей границы явится тогда на сцену. Карпаты снова представятся естественною границею, и вся Галиция может быть присоединена к России.

Надлежит заблаговременно дать себе отчет: нужно ли нам это увеличение территории и населения? Усилимся ли мы от сего присоединения или, наоборот, создадим себе источник слабости и тревог? Такое присоединение сто или даже семьдесят лет тому назад могло бы, вероятно, послужить на

пользу и силе России, да и то лишь «вероятно», ибо мы не можем быть уверены, что за этот период Австрия не пыталась бы отобрать у нас потерянную область. 1855 г. был отличным для сего случаем.

Но ныне, после того как Галиция такой долгий срок жила особой от нас жизнью, отторжение ее от Австрии может быть только насильственным и потому болезненным. Не только польское, но даже и русское население Галиции (русины) вовсе не рвется в подданство России. Мы для славян Австрии, не исключая и русинов, можем только служить средством, но не целью. Надо это непрерывно помнить. Даже менее нас культурные болгары и сербы тотчас отворачивались от России, как только становились на ноги ценою драгоценной русской крови.

Славянам Австрии помощи нашей не надо. С большою настойчивостью они каждый год мирным путем завоевывают себе понемногу права, равняющие их с немцами и венграми. Несмотря на тяжелое экономическое положение населения Галиции, несмотря на скупку земель евреями, подати, более тяжелые чем в России, на относительную неравноправность поляков и русинов, население Галиции основательно считает приобретенную им культуру более высокой, чем у соседнего с ними нашего населения. Переход в подданство России, по мнению этого славянского населения, будет шаг назад, а не шаг вперед. Нам надо это твердо знать, дабы не обманывать себя ложными и вредными мечтаниями, что как только наши

войска вступят в восточную Галицию – население восстанет против австрийцев, своих вековых притеснителей.

Если бы, напротив, мы увлеклись мыслью об округлении наших владений до естественных рубежей, то несомненно создали бы себе бесконечный источник тревог и, прибавляю, расходов за счет платежных сил и средств коренного русского населения. Присоединенная к нам Галиция, хотя и в меньшей мере, чем присоединенная к России Восточная Пруссия, могла бы обратиться для нас в Эльзас-Лотарингию.

В железнодорожном отношении мы значительно уступаем Австрии. В то время как австрийцы могут подвозить к нашей границе по 8 железнодорожным линиям (10 колеям) 260 поездов в сутки, мы можем подвозить войска к австрийской границе лишь по 4 линиям. Карпаты, находясь в тылу австрийских войск, представляли ранее препятствие при отступлении через них и препятствие для сообщения Галиции с остальными местностями Австрии. За последние 10 лет они прорезаны 5 железнодорожными линиями, сверх того подготовлены к постройке еще три линии.

Несмотря на нашу неготовность, австрийцы, подталкиваемые германцами, не с легким сердцем вторгнутся в наши пределы, ибо твердо знают, что встретят мужественный отпор наших армий и народную войну. В свою очередь, мы не должны обманывать себя легкостью победы над австрийскою армией. Отлично снабженная всем необходимым, многочисленная австрийская армия, опираясь на прекрасно подготов-

ленный в Галиции театр войны, при умелом руководстве ее силами, может остановить даже превосходный силы нашей армии».

Заключение о границах с Австрией сделано в докладе 1900 г. следующее:

«Позволительно на основании вышеизложенного относительно границы нашей с Австрией прийти к тому же выводу, который сделан выше относительно границы нашей с Германией, а именно:

ни Австрии, ни России не представляется выгодным вступать в вооруженную борьбу с целью изменения существующей границы между ними.

Таковой вывод по отношению к границам с двумя могущественными государствами дает великие выгоды. Не имея никакой нужды и выгоды захватывать у соседей их земли и в то же время готовое на все жертвы, чтобы отстаивать каждую пядь русской земли, наше великое государство имеет возможность надеяться, что если война с нашими соседями не должна быть начата Россией, то и обратно соседи наши употребят все усилия, чтобы избежать опасной войны с Россией».

4) К югу от Австро-Венгрии мы граничим на 700 верст с Румынией. Граница идет по р. Пруту и Килийскому рукаву р. Дуная и, представляя естественную водную линию как в политическом, так и в военном отношении, вполне удовлетворяет нашим интересам, отнюдь не вызывая стремления к

ее изменениям.

Молодое Румынское Королевство обнимает площадь в 115 000 кв. верст с населением в 5 миллионов душ и принадлежит ко второстепенным государствам Европы. Торговые обороты Румынии с нами достигают ежегодно (в среднем за последние 5 лет 1893–1897 гг.) 10,2 млн рублей, что составляет 0,8 % всех оборотов внешней торговли, при этом отпуск наш в Румынию составляет в среднем 7,5 млн рублей (1,3 % всего отпуска). Число железнодорожных путей, ведущих к границе с нашей стороны, два: к Унгенам, у которых он продолжается на Яссы, и к Рени, где через р. Прут моста нет, а продолжением пути служит дорога от г. Галаца.

Хотя Румыния исключительно России обязана своим существованием, но тесные сношения ее с Германией и еще более с Австро-Венгрией, и заботы о развитой армии и укреплении границ с нами несомненно указывают на возможность, в случае европейской войны, увидеть Румынию в числе противников наших. Причиною этого, быть может, служит желание в случае успеха отторгнуть от нас пограничную Бессарабию, до половины населения которой составляют румыны.

5) В Закавказье мы граничим с Турцией на 488 и с Персией на 698 верстах. Владения Турции находятся в трех частях света, причем общая площадь их достигает 3 558 000 кв. верст, население 40 миллионов человек.

Торговые обороты наши с Турцией достигают ежегодно (в

среднем за последние 5 лет, 1893–1897) 21,1 млн рублей, что составляет 2,1 % всех оборотов внешней торговли.

Граница наша с Турцией установлена после победоносной войны нашей с нею в 1877–1878 гг. Продолженная преимущественно по естественным рубежам – водораздельным хребтам, она не только достаточно обеспечивает наши владения от попыток Турции, но и дает выгодное исходное положение для нашего наступления к важнейшему пункту Малой Азии и единственно серьезной крепости на всем пути до Скутари – крепости Эрзеруму. Таким образом для России современная граница с Турцией может считаться вполне удовлетворительной и каких-либо изменений отнюдь не вызывает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.